
ПРЕДИСЛОВИЕ

Человек учится понимать окружающий мир на протяжении всей своей жизни. Сегодня в этом ему помогают разного рода общественные институты — детский сад, школа, колледж, университет. В средневековой Руси главным инструментом социализации человека была семья. Родители объясняли ребенку, как следует вести себя в той или иной ситуации. Кроме общих указаний отец учил сына своему ремеслу, а мать наставляла дочь в ведении домашнего хозяйства. Так жил весь мир. Так жили в избе и в княжеском дворце. Разумеется, общественное положение конкретного человека вносило в эту схему некоторые коррективы. Но суть оставалась та же. Князья учили сыновей тому, что принято сегодня называть политикой. Прочие умения — от верховой езды до обращения с женщиной — преподавали слуги. Юный княжич мог учиться политике и у деда. Но деды в ту тревожную пору редко доживали до внуков. Став самостоятельным правителем, молодой князь подхватывал те бразды власти, которым учил его отец. Все определяла традиция. Правители-новаторы, изобретатели новой политики, встречались в Древней Руси крайне редко.

Исходя из данных аксиом, автор этих строк начинал свою книгу о «государе всея Руси» Иване III с рассказа о драматической судьбе его отца, Василия II Темного*. Отец

* *Борисов Н. С.* Иван III. М.: Молодая гвардия, 2000 (серия «ЖЗЛ»). Надо признать, что за прошедшие годы наши представления об отце Ивана III, Василии Темном, и его эпохе мало изменились. А потому мы посчитали возможным использовать в настоящей биографии фрагменты нашей книги «Иван III» (с необходимыми поправками и дополнениями). Кроме того, представляя читателю исторических деятелей и политические центры тогдашней Руси, автор в некоторых случаях использовал тексты из своей книги «Возвышение Москвы» (М.: Русский мир, 2011).

заложил фундамент, на котором сын построил единое Русское государство.

Теперь мы считаем необходимым предпослать биографии Василия Темного краткое жизнеописание его отца Василия I. Этот правитель не понят и недооценен в нашей исторической памяти. Его 35-летнее правление обычно представляется скучной интермедией между героической эпохой Дмитрия Донского и московской усабицей второй четверти XV века. Но это совсем не так...

«О делах нужно судить, принимая во внимание обстоятельства», — говорил Плутарх (61, 149*). Восемнадцатилетний Василий I принял Москву после кончины отца в тяжелых политических обстоятельствах.

Объединение Литвы и Польши под властью польского короля Владислава в 1385 году (Кревская уния) создало на западной границе Московского княжества обширное государство, официальной религией которого стало католичество. Однако новая держава была внутренне хрупкой. Не все потомки Гедимины признали верховную власть короля Владислава (до крещения — великого князя Литовского Ягайло).

Политические противоречия усугублялись религиозными. Большинство населения Великого княжества Литовского составляли восточные славяне — потомки жителей Киевской Руси и предки современных русских, украинцев и белорусов. Со времен Владимира Святого они исповедовали христианство в его православном варианте. Предводителем литовских «сепаратистов» стал великий князь Литовский Витовт, принявший католичество, но терпимо относившийся к православию. Это был правитель широкого размаха. Он мечтал не только вернуть Литве независимость от Польши, но также, используя объединенную мощь Литвы и Польши, подчинить себе западные и северо-западные русские земли. В конечном счете Русь, Литва и Польша должны были слиться в единое государство, способное разгромить Орду. Однако путь к этой цели был долгим и извилистым. Он изобиловал политическими интригами и временными союзами.

Насколько реальными были претензии литовских князей выступать в роли объединителей русских земель? Да и

* Первая цифра в скобках означает номер издания в списке источников и литературы, помещенном в конце книги. Вторая цифра — номер страницы.

были ли у них такие претензии? Об этом историки судят по-разному (84, 28).

Грандиозные движения происходили и в Степи. На смену Орде Мамая пришла Орда Тохтамыша. Она была способна наносить мощные удары не только по Литве и Руси, но и по огромной армии нового Чингисхана — среднеазиатского завоевателя Тимура.

В этой сложной обстановке Василий I должен был проявлять политическую гибкость. В отличие от своего знаменитого отца Дмитрия Донского, Василий избегал рискованных предприятий. На правах зятя великого князя Литовского Витовта (мужа его дочери Софьи) он часто встречался с тестем. Ради стратегических целей Василий умел жертвовать тактическими. Он уступил Витовту Смоленск, но твердо встал за Новгород и Псков. Благодаря гибкой дипломатии, сочетавшей готовность к войне с умением найти путь к миру, Василий не допустил завоевательного продвижения Литвы к верховьям Оки.

Залогом успешной политики был холодный расчет. Василий уклонился от участия в войне Литвы и Польши с немецким Тевтонским Орденом и не дал своих полков Витовту для участия в Грюнвальдской битве (1410 год). Равным образом он не оставил своего следа в борьбе между Литвой и Ордой.

Великая княгиня Софья Витовтовна поддерживала Василия в этой семейной дипломатии. Отправляясь на встречи с отцом, она брала с собой внуков, присутствие которых должно было смягчить сердце старого воителя. Собственных сыновей Витовт не имел.

Эта стратегия позволила Василию не только сохранить полученные по наследству отцовские земли, но также сделать большой шаг в дальнейшем собирании русских земель — наследственной задаче московских князей. Улучив момент, когда Тохтамыш был занят подготовкой к большой войне с Тимуром, Василий купил у него ярлык на Суздальско-Нижегородское княжество, а также Тарусу, Муромское княжество и земли Мещоры. По значению для Московского государства это приобретение можно сравнить с присоединением Новгорода при Иване III.

Источники не сообщают, какую цену уплатил Василий Тохтамышу за ярлык на эти земли. Скорее всего, речь шла о больших деньгах. И можно только удивляться, откуда в разоренной нашествием Тохтамыша Северо-Восточной Руси, незадолго перед тем уплатившей огромный ордынский «выход», нашлись такие средства...

Всякое приобретение имеет свою цену. Взяв Нижний Новгород, Василий I получил много людей и денег. Но он получил также и длительную борьбу с лишившимися своих уделов нижегородскими и суздальскими князьями.

Незаметный в жизни, Василий I не оставил яркого следа и в летописях. Он умер так же тихо, как и жил. Но Москва долго поминала его благотворную тишину. Василий умел ладить с церковью и не допускал открытой распри с братьями. Его сын и внук морили родичей в тюрьмах и травили их ядом. Василий не позволял себе греха братоубийства. В целом это был богобоязненный и добродетельный правитель.

Сын Василия I, Василий II Темный, хотел быть похожим на отца. Но судьба его сложилась совершенно иначе. Обстоятельства изменились, а вместе с ними изменились и люди...

* * *

Среди темных преданий Московской Руси одно выделяется своей жуткой достоверностью. Это история о кровавой расправе между внуками Дмитрия Донского. Целых 28 лет сокрушительных ударов меча, яростных криков и похоронного звона. Забыв о заветах Сергия Радонежского, русские люди с ожесточением и даже каким-то наслаждением убивали друг друга. Каждый сражался ради своей «правды». Это была борьба не на жизнь, а на смерть. И только мрачные своды Архангельского собора — фамильной усыпальницы потомков Калиты — примиряли непримиримых в жизни искателей «правды».

В центре этой роковой схватки, едва не погубившей кропотливый труд четырех поколений московских «собирателей Руси», высится мрачная фигура Василия Темного. Достоин ли этот полу-герой — полу-злодей если не почтения, то хотя бы внимания потомков? Вместо ответа напомним читателю суждение Т. Карлейля: «Биографии всех выдающихся людей, нравственны ли они или безнравственны, заслуживают быть написанными» (74, 62).

Память о московской усобице кованым гвоздем вбита в стену российской государственности. Здесь покаяние встречается с предупреждением. Образ государя, глаза которого скрывает черная повязка, стал символом высокой цены, которую платят власть имущие за свою исключительность...

Часть первая

ОТЕЦ

Глава I

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

Дмитрий Донской за свою 38-летнюю жизнь стал отцом восьмерых сыновей и четырех дочерей. Жена Дмитрия, княгиня Евдокия Дмитриевна, происходила из Суздальского княжеского дома. Ее потомство призвано было утвердить союз Москвы и Суздаля, наметившийся еще во времена Ивана Калиты, но так и не сложившийся в тревожные годы «великого мора» и литовских нашествий.

Занятый грандиозными замыслами, Дмитрий Донской, должно быть, не помнил в точности дни рождения и семейные прозвища своих многочисленных детей. Но история, этот великий спектакль на сцене нашей памяти, требует списка действующих лиц. А потому представим читателю весь перечень большого семейства Дмитрия Донского.

Отец Дмитрия московский князь Иван Красный умер в возрасте тридцати трех лет. Он имел двух сыновей (Дмитрия Донского и умершего в малолетстве Ивана) и двух дочерей — Любовь и Анну. Первая вышла замуж за литовского князя Кориада Гедиминовича, вторая стала второй женой знаменитого воеводы князя Дмитрия Михайловича Боброка Волынского. В начале правления Василия I воевода не поладил с молодым государем и уехал в Литву. Сын Анны и Дмитрия Боброка стал монахом и поселился в Клопском монастыре под Новгородом.

Дмитрий Иванович сыграл свадьбу с Евдокией Суздальской в январе 1366 года. Местом торжества избрана была Коломна — второй по значению город Московского княжества. Такой странный выбор — вне стольных городов жениха и невесты — по-видимому, объяснялся просто: в Москве волна за волной прокатывалась чума. Рисковать жизнью ради условностей никто не хотел.

Этот политический брак пятнадцатилетнего внука Ка-

литы и внуки князя Александра Васильевича Суздальского, судя по всему, был устроен митрополитом Алексеем, покровителем Московского княжеского дома. В результате возник своеобразный дуумвират — союз Дмитрия Ивановича Московского и Дмитрия Константиновича Суздальского. Тестю в это время было уже за сорок, а зятю — без малого 16 лет. Брак оказался не очень удачным в политическом отношении. Дмитрий Суздальский был весьма посредственным воином и в решающую минуту оставил зятя один на один с Мамаем. Но в семейном отношении суздальская кровь не подвела. Дети пошли рождаться на свет, словно грибы после дождя. Из этого потомства ранняя смерть взяла свою долю. Но и после кончины трех малолеток осталось детей на целое застолье.

Первый сын Донского был наречен Даниилом в честь родоначальника Московского княжеского дома князя Даниила Александровича. Смерть унесла его еще в детстве. Религиозное сознание, привыкшее во всем видеть проявление Божьего промысла, отметило «черную метку» — несчастливое имя Даниила. Дмитрий уже не называл так своих сыновей.

Второй сын Василий — будущий великий князь Московский — родился 30 декабря 1371 года, то есть через пять лет после свадьбы родителей. Его жизнь мы подробнее опишем ниже, а пока продолжим семейную галерею детей Дмитрия Донского.

Третий его сын Юрий появился на свет 26 ноября 1374 года в Переяславле-Залесском (в то время название города писали именно так — Переяславль, а не Переславль, как сейчас). Там осенью 1374 года проходил княжеский съезд, обсуждавший отношения русских князей с Ордой. Стремясь избежать доносов в Орду, князья собрали свой съезд как семейный праздник по случаю рождения у князя Дмитрия Ивановича третьего сына. Ради этой политической цели беременная на последнем месяце княгиня Евдокия отправилась за 130 верст по раскисшим осенним дорогам из Москвы в Переяславль-Залесский. Туда же, в Переяславль-Залесский, пришел по своему обыкновению пешком игумен Троицкого монастыря Сергей Радонежский. Духовник самого великого князя Дмитрия Ивановича и беспрекословный авторитет для прочих князей, Сергей уважил просьбу Дмитрия и стал крестным отцом нареченного Юрием младенца. Со временем Юрий стал заметной исторической фигурой. Однако заметность его

носила двусмысленный характер. Не желая подчиниться своему десятилетнему племяннику Василию, а более — его властной матери Софье Витовтовне, Юрий в 1425 году поднимет знамя династической войны, опустошавшей страну в течение двадцати восьми лет.

Около 1370 года у Дмитрия родилась дочь Софья. Источники не сообщают точной даты ее рождения. Об этом можно только догадываться, исходя из того, что в сентябре 1386 года Софья была выдана замуж за князя Федора Рязанского, сына знаменитого Олега Рязанского.

Сестра Софьи Мария 14 июля 1394 года вышла замуж за литовского князя Семена Ольгердовича, более известного под литовским именем Лугвений. Со временем московско-литовские династические союзы станут обычным делом. Но пока это было только начало. В семье Гедимины, а потом и Ольгерда женихов хватало. Симеоновская летопись так перечисляет эту доблестную компанию:

«Сии Олгерд не един сын у своего отца беаше, но ини мнози прочая братиа его беаху сынове Гедимонову: Наримант, Олгерд, Евнугеи, Кестугеи, Кориад, Люборт, Монтивит...

В всеи же братии своеи Олгерд превзыде властию и саном, поне пива и меду не пиаше, ни вина, ни кваса кисла, и великоумство и въздержание приобрете себе, крепку думу от сего и мног промысл притяжав, и таковым коварьством многы страны и земли повоева и многы грады и княжения поимал за себе, и удержа себе власть велику; тем и умножися княжения его, якоже ни един же от братиа его сътвори, ни отец его, ни дед его тако прослыл. Имеша же 12 сынов, от первыа жены пять, а от другыа, от тферянки седьмь; беаху сынове Олгердовы: Андреи, Дмитриеи, Костянтин, Володимер, Федор, Гульян, Кирибут, Скиригаило, Ягаило, Свитригаило, Коригаило, Лугвении. Всем же сим грады и княжения раздавал есть, умирая приказа стареишинство сыну своему Ягаилу, того бо възлюби паче всех сынов своих и того избра в всеи братьи его; ему же и княжение великое поручи...» (29, 118).

Двенадцатый по счету сын великого князя Литовского Ольгерда, Семен (Лугвений), не имел особых перспектив на своей родине и искал удачи на московской службе. Пять лет спустя Мария Дмитриевна умерла. Ее тело было привезено в Москву из Литвы и погребено в соборе Рождественского монастыря. А ее беспокойный муж еще долго сотрясал Восточную Европу ударами своего меча...

Четвертый сын Дмитрия Ивановича Семен родился неизвестно когда и умер еще ребенком 11 сентября 1379 года.

Пятым из братьев Дмитриевичей стал Андрей. Он родился в грозном для Москвы 1382 году, в страшные дни, когда полчища Тохтамыша уже приближались к Москве. Княгиня Евдокия разрешилась от бремени 14 августа, а меньше чем через две недели, 26 августа, татары захватили Москву, учинили страшный погром и сожгли столицу дотла. Сам Дмитрий Донской уехал в Кострому, оставив город на своих воевод. Это была ошибка, но не трусость. Средневековые войны носили личный характер. Тохтамыш шел на Москву, желая проучить своего зазнавшегося вассала. Отсутствие Дмитрия в Москве могло рассеять гнев хана. Исходя из этого расчета и было принято роковое решение.

Княгиня Евдокия — поистине «железная женщина» русской истории — вырвалась из охваченной мятежом столицы и помчалась вслед за мужем. В Переяславле-Залесском ее едва не схватили разъезды Тохтамыша, однако она ушла от погони и благополучно присоединилась к Дмитрию.

Появившийся на свет при столь драматических обстоятельствах Андрей, повзрослев, оказался весьма миролюбивым человеком. Возможно, именно эта черта характера позволила ему прожить полсотни лет, что было по тем временам большой удачей.

В первые годы брака Дмитрия Донского с Евдокией Суздальской дети рождались едва ли не каждый год. Летописцы даже не всегда считали нужным отмечать появление на свет девочек — будущих знатных невест и верных жен для союзных Москве князей. В этом ряду будущих невест стоит и Анастасия Дмитриевна. Дата ее рождения неизвестна. Исходя из даты замужества — 23 сентября 1397 года, можно предположить, что Анастасия родилась вскоре после Андрея. Московских княжон обычно выдавали замуж рано — в возрасте пятнадцати-шестнадцати лет. Такова была установка эпохи. Замешкавшись с браком, девушка рисковала прослыть некрасивой или вообще остаться вековой.

Шестой сын Дмитрия Донского — Петр. Он родился 29 июля 1385 года в тяжелую для Северо-Восточной Руси пору, когда разоренная Тохтамышем страна собирала огромную дань для умиротворения хана. Желая поддержать князя в эту трудную годину, крестным отцом младенца стал преподобный Сергей Радонежский.

Женский ряд детей Дмитрия Донского продолжила Анна Дмитриевна. По каким-то неясным, но, вероятно, вестским соображениям летописец счел нужным отметить дату ее рождения — 8 января 1388 года. Возможно, летописец принял во внимание как генеалогические, так и политические соображения. Муж Анны, князь Юрий Патрикеевич, был внуком основателя литовской династии Гедимина. Их сын Иван со временем станет виднейшим боярином при дворе государя всея Руси Ивана III.

Седьмой сын Дмитрия Донского Иван — весьма загадочная фигура. Летописцы не отмечают дату его рождения. Известно лишь, что он скончался в июле 1393 года. По завещанию Дмитрия Донского Иван получил символический удел — всего лишь две подмосковные волости. Перед кончиной Иван принял монашеский постриг. По-видимому, он был от рождения больным или, может быть, умственно неполноценным. Примечательно, что похоронили его не в княжеском Архангельском соборе, а в притворе кремлевской церкви Спаса на Бору. Там, возле могилы матери Донского, княгини Александры, хоронили высшую московскую знать.

Восьмой и последний сын Донского — Константин. Он родился за четыре дня до смерти отца — 15 мая 1389 года. Константин отличался своенравным характером и за это позднее был лишен удела своим старшим братом великим князем Василием I. Как и брат Иван, Константин не был допущен (или не захотел) лечь рядом со старшими братьями в некрополе Архангельского собора.

* * *

Судьба всякого человека во многом определяется той наследственной матрицей, которую заложили в его духовные и физические кладовые родители. Отец Василия Темного великий князь Московский и Владимирский Василий Дмитриевич не стал исключением из этого вечного закона. Присмотримся к его биографии, следуя сообщениям летописцев и комментариям историков...

(Полезное напоминание: древнерусский год начинался с 1 сентября и исчислялся от Сотворения мира — за 5508 лет до Рождества Христова. Таким образом, 6879 год летописца — время между 1 сентября 1370-го и 31 августа 1371 года. Рождение Василия I по современному календарю произошло 30 декабря 1371 года. По *сентябрьскому* году это будет

6879 год. Изредка летописцы используют *мартовский* год, когда началом года считали 1 марта. Встречаются в древних летописях и *ультрамартовские* датировки, когда год начинался с 1 марта предшествующего года. В наше повествование мы будем давать хронологические справки по мере необходимости.)

Известие о рождении Василия летописец облек традиционной фразой, помещенной в конце годовой статьи 6879 (1371) года: «Тое же зимы месяца декабря 30 родися великому князю Дмитрию Ивановичю сын Василей» (35, 187). Имя Василий (по-гречески «царственный») было очень распространено среди русских князей той эпохи. Оно ставило носителя в один ряд с Владимиром (Василием) Святым, крестителем Руси, и Владимиром (Василием) Мономахом, героем Киевской Руси. Но кроме исторических аллюзий была и прямая подсказка для имянаречения: согласно церковному календарю-месяцеслову, 1 января вспоминали одного из Отцов Церкви — Василия Великого, создателя общежительного монастырского устава.

О детских впечатлениях князя-дитя, а позднее князя-отрока можно только догадываться. Что видел Василий из окошка своего московского терема? Что слышал из тревожных разговоров родителей и бояр? Вечные происки закланного врага Москвы князя Михаила Тверского... Большая война с Тверью в 1375 году... Война с Ордой, затеянная великим князем Дмитрием Ивановичем в 1374-м... Рождение и смерть братьев и сестер в московском дворце... Но самое увлекательное, самое волнующее детское воображение — чудеса в природе, черные пятна на солнце, небывалая засуха, когда горели леса и птицы падали замертво в удушливом тумане. А еще всполошный колокольный звон и чудесные исцеления недужных у гроба московского чудотворца митрополита Петра...

Прошел возраст княжеских постригов — три года. Этому древнему обычаю посажения на коня и срезанию пряди волос всё еще следовали в некоторых княжеских семьях. Но Москва, столица русских митрополитов, опасливо сторонилась полуязыческого обряда.

Пришел и другой важный возраст — семь лет. Но тут уже было не до торжеств. Летом 1377 года татары разгромили русских князей на реке Пьяне и сожгли Нижний Новгород. Беда приближалась к Москве.

«Татарове же одолевше христианом, и стаха на костех, полон весь и грабеж оставиша ту, а сами поидоша к Нову-

городу к Нижнему изгоном без вести. Князю же Дмитрею Костянтиновичю не бысть силы стати противу их на бои, но побежа в Суждаль, а люди горожане новгородстии разбежашася в судех по Волзе к Городцу. Татарове же приидоша к Новугороду к Нижнему месяца августа в 5 день <...> останочных людеи и горожан избиша, а град весь и церкви и монастыри пожгоша; изгорело церквей в граде 32. Отъидоша же погании от града в пятницу иноплеменници, волости Новгородстии воюючи, а села жгучи, и множество людеи посекоша, а жены и дети и девицы в полон без числа поведоша» (29, 119).

Дуумвират Дмитрия Суздальского и Дмитрия Московского дал трещину. Проснулся давний страх перед Ордой. Но великий князь Дмитрий Иванович, не дождавшись помощи тестя, разбил степняков на реке Воже, между Коломной и Рязанью. Многие увидели здесь Божий промысел: победа пришла незадолго до праздника Успения Божией Матери, 12 августа 1378 года.

«Того же лета ординский князь, поганый Мамаи събрав воя многы, и посла Бегича ратью на князя великаго Дмитрея Ивановичя и на всю землю Русскую. Се же слышав князь великий Дмитрей Ивановичь, събрав воя многы и поиде противу их в силе тяжце, и переехав за Оку, вниде в землю Рязанскую. И сретошася с татары у реки у Вожи» (29, 126—127).

Победа на Воже воодушевляла. Но самое страшное было впереди. Черной тучей поднялась Степь и пошла на Русь жарким летом 1380 года.

«Того же лета безбожнии и злочестивии ордынские поганый Мамаи, събрав рати многы и всю землю Половецкую и Татарскую, и рати понаимовав, фрязы и черкасы и ясы, и с всеми поиде на великаго князя Дмитрия Ивановичя и на всю землю Русскую» (29, 129).

Летописи и сказания не сообщают, где была семья великого князя Дмитрия Ивановича во время Куликовской битвы. Но едва ли он оставил их в Москве. Опасность была слишком близка... А если неудача? Тогда лавина Мамаевой конницы за два дня домчит до Москвы и опустошит всю Московскую землю...

Лучшим убежищем для княжеской семьи была Кострома. Этот город входил в состав великого княжения Владимирского. Там сидели московские наместники. Но главное — из Костромы можно было уйти вверх по реке Костроме на Сухону, в глухие вологодские леса, куда не люби-

ли заходить степные всадники. В Кострому два года спустя Дмитрий Иванович уйдет от Тохтамыша. Сюда же, вероятно, отправил он свою семью и во время войны с Мамаем.

Но бежать на этот раз не пришлось. Куликовская битва громыхнула великой победой. На всю жизнь Василий запомнил оглушительный колокольный звон, которым Москва встречала победоносных ратников Куликова поля. В триумфе Дмитрия несли богатые трофеи из стана Мамаю.

«И възвратися оттуду на Москву в свою отчину с победою великою, одоле ратным, победив врагы своя. И мнози вои его възрадовашася, яко обретающи корысть многу: погна бо с собою многа стада, кони и вельблуды, и волы, имже несть числа, и доспехы, и порты, и товарь» (29, 130).

Прошло два года. Два года свободы, за которые пришлось расплачиваться ужасом нового нашествия — теперь Тохтамыша.

«И се прииде ему весть, что идет некий царь с востока, именем Тактамышь, из Синие орды. Мамаи же, еже уготова на нь рать, с тою ратью готовую поиде противу его, и сретошася на Калкахъ. Мамаевы же князи, шшедше с конев своих, и биша челом царю Тактамышю, и даша ему правду по своеи вере, и пиша к нему роту, и яшася за него, а Мамаю оставиша, яко поругана. Мамаи же, то видеви, и скоро побежав с своими думцами и с единомысленики. Царь же Токтамышь посла за ним в погоню воя своя и убиша Мамаю, а сам шед взя орду Мамаеву и царици его и казны его, и улус весь поима, и богатство Мамаево взя, раздели дружине своеи» (29, 130).

«Князь же великийи Дмитрей Ивановичь, то слышав, что сам царь идеть на него с всею силою своею, не ста на бои, ни противу его поднял руки, противу царя Тахтамышя, но поеха в свои град на Кострому. Царь же, перешед реку Оку, и преже всех взя град Серпехов и огнем пожже и (его. — *Н. Б.*), и оттуду поиде к Москве» (29, 132).

Летом 1382 года князь Дмитрий спас себя и свою семью, но спасти Москву он не сумел. Разгром был ужасающим. Но вопреки ожиданиям врагов Москвы Тохтамыш не стал тасовать карты и сохранил за Дмитрием не только Москву, но и великое княжение Владимирское. Ценой примирения стала не только огромная дань, которую Русь заплатила Тохтамышу, но и жизнь старших сыновей главных русских

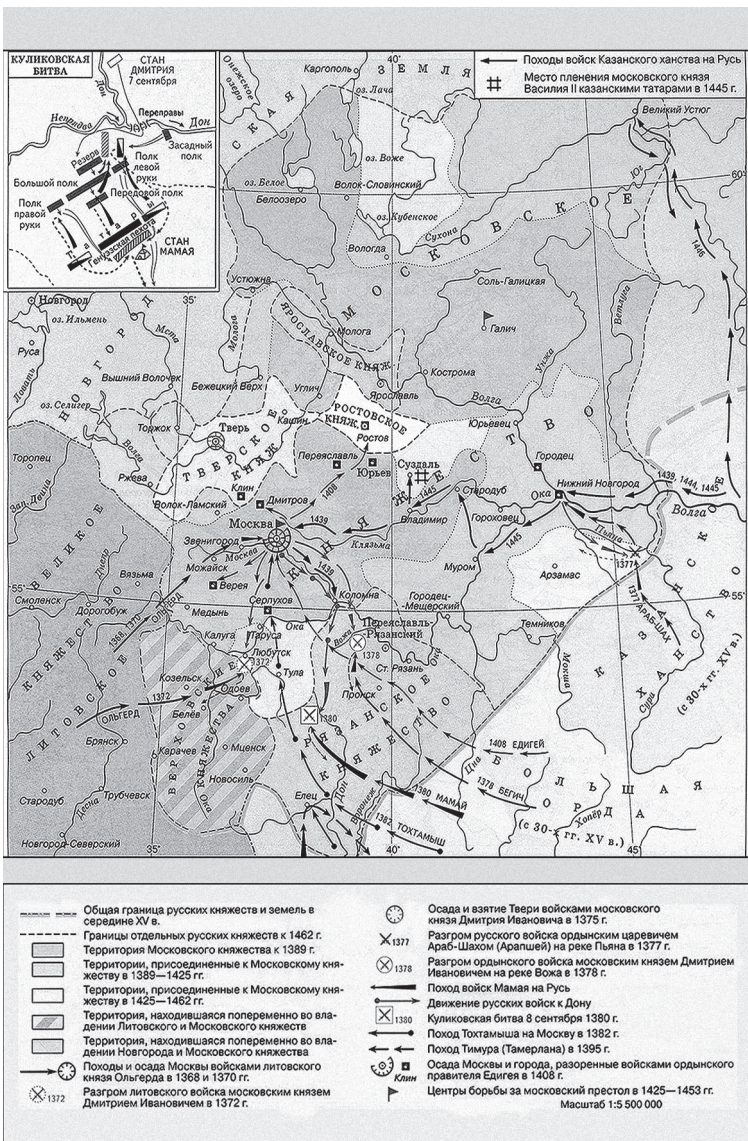
князей. Им велено было явиться в Орду и жить там при ханском дворе до особого распоряжения. В случае неповиновения князей их сыновей ожидала казнь.

Три долгих года провел отрок Василий Московский и его товарищи по несчастью Василий Кирдяпа Суздальский и Федор Рязанский в Орде. За это время Василий не только выучился говорить на языке степняков, но и узнал их быт и нравы, усвоил их военное искусство. Конечно, жизнь в Орде в качестве заложника была полна угроз и унижений. Но привычка и опыт смягчили остроту переживаний. Василий близко познакомился с влиятельными фигурами ханского двора и самим Тохтамышем. Эти знакомства помогли ему бежать из Орды, а позднее, уже в качестве великого князя Московского и Владимирского, — успешно вести дела в Орде.

Прошло три года (1383—1386), и русские княжичи-заложники, рискуя головой, бежали из Орды. В истории этого побега много неясного. (Как тут не вспомнить другой побег: князя Игоря из половецкого плена?!) Была ли между заложниками предварительная договоренность? Как могли отнестись к побегу их отцы — Дмитрий Донской, Олег Рязанский и Дмитрий Суздальский? Принял ли хан какие-то меры для их розыска? Наконец, какие распоряжения в этой связи были даны ханом отцам беглецов? Кто сопровождал беглецов в их предприятии? Вопросов много, но ответ один — неизвестность. Разночтения летописей еще сильнее запутывают дело. Вот самые общие контуры событий.

Наследник московского престола Василий ушел из Орды степями на запад, во владения валашского правителя Петра Мушата. Оттуда беглец и сопровождавший его боярин перебрались в Литву (по другим источникам — «в немецкую землю»), где они попали в руки литовского князя-изгнанника Витовта. Тот увидел пользу для себя в том, чтобы породниться с Москвой путем брака княжича Василия со своей дочерью Софьей. Василий не мог решиться на такое серьезное дело без благословения родителей. Литовские гонцы поспешили в Москву. Опасаясь за жизнь сына, княгиня Евдокия уговорила мужа дать свое согласие. Скорые гонцы привезли в Литву ответ князя Дмитрия — родительское благословение на брак Василия и Софыи.

Дело сладилось. Московские бояре поехали на встречу к Витовту. Там, «в немецкой земле», в рыцарском замке Мальборке, они встретили наследника Василия и проводи-

Возвышение Московского княжества. Середина XIV — середина XV в.

ли его в Москву. 19 января 1388 года Василий с боярами вернулся домой.

Очевидно, что, получив обратно сына Василия, Дмитрий Донской мог и отказаться от брака Василия с Софьей Витовтовной, сговоренного в плену, по принуждению. Предвидя это, Витовт, вероятно, взял кого-то из московских послов в заложники до самой свадьбы. Но главное препятствие было всё же не в этом. Втянутые Витовтом в брачную интригу правители колебались, отыскивая свою выгоду и опасаясь обмана. Дмитрий Донской боялся литовским браком испортить свои и без того натянутые отношения с Тохтамышем. (Впрочем, Тохтамыш, кажется, не проявлял недовольства этими приготовлениями.) Главным энтузиастом брачного союза всё же был, по-видимому, сам наследник престола Василий. В конце концов жену выбирали для него не только ради дипломатической выгоды. Софья приглянулась ему при первой же встрече. Но пока был жив отец жениха, решающее слово принадлежало ему.

Осенью 1390 года невеста со свитой отправилась из немецкой Пруссии в далекую Москву. Путь свадебного кортежа пролегал из Мальборка — резиденции магистра Тевтонского Ордена, где, спасаясь от преследований своего кузена, польского короля Ягайло, жил тогда Витовт, — морем через Пернов и Нарву и далее через Псков и Новгород. Это было время осенних штормов на Балтике. Но невеста оказалась не из робких. Преодолев все препятствия, 1 декабря 1390 года Софья в сопровождении свиты въехала в Москву. 9 января 1391 года состоялась долгожданная свадьба.

(Обращает внимание странный выбор дня для свадьбы — понедельник. Обычно такого рода торжества справляли в субботу или воскресенье. Понедельник в те времена, как и ныне, считался «днем тяжелым», неудачным для хороших начинаний (56). Возможно, на выбор дня повлиял месяцеслов. 9 января церковь славил мученика Полиевкта, почитавшегося и у православных, и у католиков строгим блюстителем клятв и договоров (101, 16). Свадьба стала исполнением договора, заключенного Василием с Витовтом при их первой встрече. Исполнение этого договора долгое время было под угрозой. Но теперь всё исполнилось, и обет мученику Полиевкту был наконец выполнен.)

Источники весьма сбивчиво и противоречиво излагают историю женитьбы Василия. Соответственно, историки по-разному выстраивают ход событий (114, 78).

Брачные проекты правителей всегда отличались сложностью и хрупкостью. Благодаря многодетности Ольгерда рынок титулованных женихов сильно пополнился. Дмитрий Донской еще в середине 1380-х годов пытался наладить московско-литовский династический союз путем брака одной из своих дочерей с великим князем Литовским Ягайло Ольгердовичем. Однако долгие переговоры окончились для Москвы полным провалом. В искусстве матримониальной интриги поляки оказались сильнее «московитов». Объединение Литвы и Польши путем брака Ягайло и королевы Ядвиги представляло для Польши больше выгод, чем брак великого князя Литовского с дочерью «ханского улусника» Дмитрия Донского.

* * *

После кончины Дмитрия Ивановича в 1389 году московская политика делает поворот в сторону сближения с Ордой. В этом было много личного. После Куликовской битвы и нашествия Тохтамыша Дмитрий Донской уже не мог лично являться в Орду. Там его ожидало по меньшей мере унижение, а скорее — прямая расправа вроде той, которой подверглись когда-то в ставке хана Узбека тверские князья. Василий был свободен от этих страхов. Он никогда не поднимал меч на ордынцев и всегда был верноподданным правящего хана.

Взойдя на московский трон, восемнадцатилетний Василий принял за устройство своего княжества. Для начала он уладил семейные отношения с серпуховским князем Владимиром Андреевичем Храбрым, обиженным разделом наследия Дмитрия Донского.

«Того же лета князю великому Василию Дмитриевичю бысть розмирие с князем с Володимером Андреевичемъ. Князь же Володимер с сыном своим с князем Иваном и с своими бояры старейшими поеха в свой град Серпохов и оттуда в Торжок, и тамо пребысть неколико время в Теребенском, дондеже умиришася» (29, 139).

«Тое же зимы по Крещении князь великии Василеи Дмитриевичъ взя мир и любовь с князем Володимером Андреевичем и удели ему неколико городов, вда ему Волок да Ржеву» (29, 139).

Незадолго до кончины Дмитрий Донской отнял у кузена два города с волостями — Дмитров и Галич Костромской. Причины этой немилости остаются неизвестными. Но Ва-

сильный понимал, что он должен как можно скорее уурачевать рану, нанесенную самолюбивому Владимиру Храбром. Теперь вдобавок к своему прежнему уделу Владимир получил от молодого великого князя два «жирных куска» — Волок и Ржеву. Это был рискованный шаг со стороны Василия: обе крепости находились близ границы с Литвой. Владимир Серпуховской был женат на дочери Ольгерда и имел широкие связи в Литве. В принципе он вполне мог сыграть роль мятежника в Московском правящем доме. Но будущее показало, что единственным мотивом возмущения и резких движений Владимира Серпуховского было задетое самолюбие. Об измене московскому делу речи не шло.

Другой больной вопрос, доставшийся Василию из политического наследия отца — смута на митрополии. Как все харизматические лидеры, герой Куликова поля ощущал личную связь с небесными силами и потому позволял себе произвол в отношении иерархов. Он вмешивался в церковные дела, желая иметь на кафедре митрополита Киевского и всея Руси своего ставленника. Своих людей пытались провести на кафедру и Литва, и Константинополь. Василий решил пойти на уступки в этом вопросе и сделать шаг навстречу своему тестю Витовту. Он принял на московскую кафедру литовского ставленника болгарина по происхождению и византийца по службе Киприана. Так, отступая и наступая, начал он свой путь «великого князя всея Руси» — как гордо именовал себя Василий I в отношениях с Великим Новгородом.

Глава 2

СУЗДАЛЬСКИЕ СПОРЫ

Имя старинного, а ныне туристического городка Суздаля знают все. Многие бывали там на экскурсиях или в одиночных путешествиях. Огромная мощенная булыжником площадь... Торговые ряды... Сувенирные лавки... Царапающие небо колокольни... Всё привычно и знакомо. Но историю Суздаля знают немногие. А между тем этот пряничный городок мог стать столицей Руси, мог подчинить себе всю Северо-Восточную Русь. Мог, но не стал, не подчинил... Судьба и какое-то историческое невезение. Впрочем, Суздаль вполне доволен и своим нынешним положением. Тишина, чистый воздух, покой глубокой провинции... И всё же взгляды в прошлое Суздаля. Оно того заслуживает.

Суздальско-Нижегородское княжество на исторической карте напоминает цифру 8. Два кружочка, маленький и большой, связанные узкой перемычкой. Маленький — Суздальское княжество, большой — Нижегородское. Таковую причудливую фигуру нарисовала история.

Самым могущественным суздальским князем XIV столетия был дед Василия I по линии матери Дмитрий Константинович. Породнившись с московской династией в результате брака дочери Евдокии с Дмитрием Московским, Дмитрий Константинович получил большие политические возможности. Однако по-настоящему воспользоваться этими возможностями он так и не сумел.

За свою долгую жизнь (1324—1385) Дмитрий Константинович имел возможность в полной мере проявить как свои достоинства, так и свои недостатки. Последних, к сожалению, оказалось больше...

Наиболее заметной чертой его характера было непомерное честолюбие. Он явно переоценивал как свои собственные возможности, так и возможности своего княжества. За ошибки правителя расплачиваться приходилось его подданным...

Честолюбие князя Дмитрия подогревали его рано повзрослевшие сыновья — Василий Кирдяпа, Иван и Семен.

«Имя — тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность», — говорил Павел Флоренский (116, 26). Уникальное прозвище старшего сына Дмитрия Константиновича — Кирдяпа — до сих пор не имело убедительного истолкования. В древнерусском языке такого слова нет, как нет другого такого имени и в тогдашней ономастике. На наш взгляд, прозвище Кирдяпа, полученное князем при жизни, происходит от тюркского корня «кир» — «грязь». Кирдяпа — русская обработка тюркского корня с помощью суффикса «дя» и окончания «па». Пример словообразования с помощью суффикса «дя»: трудиться — трудяга, бродить — бродяга. Имя Кирдяпа в значении «грязный», «покрытый грязью», «грязнуля» явилось в результате взаимодействия русского и тюркского языков и носит насмешливый, уничижительный характер. Подобное прозвище вполне в духе русского языка. Например — Горбатый, Брюхатый, Ушатый. Прямая аналогия — известный опричник Ивана Грозного Василий Грязной и его родня.

В письменных источниках XIV—XV веков встречается много тюркских имен, так или иначе вросших в русскую историю и русский язык. Так, например, история гибели в

Орде князя Михаила Тверского в 1318 году откроется новой гранью, если учесть, что имя главного злодея и клеветника, виновника гибели святого князя — Кавгадый. Это имя явно происходит от тюркского слова «кавга» — «смутьян», «баламут». Носил ли это имя (прозвище?) ордынский воевода с рождения или оно дано ему в связи с историей Михаила Тверского?

Известно, что язык — своего рода исторический источник. Давний спор о том, что представляло собой в повседневности татаро-монгольское иго, может стать чуть более предметным, если посмотреть на дело с той, ордынской стороны. При всей уязвимости этого источника — сколько веков прошло, сколько языков смешалось! — он всё же может порадовать историка, стесненного узостью источниковой базы.

Но вернемся к князю Дмитрию Константиновичу Суздальскому. Небывалая удача его дяди Александра Васильевича, ставшего вдруг великим князем Владимирским в 1329 году, быстрый рост Нижнего Новгорода при князьях Константине Васильевиче и Андрее Константиновиче вскружили ему голову. Подобно тверским князьям, он был слишком самоуверен. Это качество сводило на нет даже те скромные таланты, которыми он обладал. И судьба не замедлила преподать ему жестокие уроки.

Ввязавшись в тяжбу с Москвой за великое княжение Владимирское (1360—1364), он вышел из этого спора безо всякого успеха и с сильно подмоченной репутацией.

Вскоре выяснилось, что даже младший брат Борис не боится Дмитрия и не признаёт за ним права старшинства. После кончины князя Андрея Константиновича в 1365 году Борис стремительным набегом захватил Нижний Новгород. Предполагавший торжественно занять старший стол Дмитрий вместе с матерью, княгиней Анной, суздальским владыкой и большой свитой оказался перед закрытыми городскими воротами. Более глупого и унижительного положения трудно было вообразить.

Не решившись брать штурмом собственную столицу, сорокалетний Дмитрий Константинович вступил на путь переговоров. Вначале он отправил своих сыновей Василия и Семена к Борису для выяснения его намерений. Намерения оказались просты и состояли в удержании захваченной столицы. Тогда Дмитрий Константинович послал старшего сына Василия Кирдяпу с жалобой на действия Бориса в Орду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru